

Негосударственное образовательное частное учреждение
высшего профессионального образования
«Институт стран востока»

Факультет: Мировая экономика

Кафедра: Международных экономических отношений

ДИПЛОМНАЯ ВЫПУСКНАЯ
КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Предпринимательская культура в Индонезии. Исторический
очерк и современность.

Автор: Студентка 5 курса Тертышная Ася Игоревна

Руководитель работы: Доктор политических наук Другов Алексей
Юрьевич

Работа допущена к защите

«___» _____ 2012 г.

Зав. Кафедрой _____

_____

Москва 2012 г.

Оглавление

Введение.....	3
Глава I – Истоки индонезийской предпринимательской культуры.....	5
1. Единство во многообразии.....	5
2. Яванская предпринимательская культура.....	7
3. История возникновения китайской бизнес элиты в Индонезии.....	10
4. Голландское господство.....	16
Глава II – Современность.....	20
1. Джакарта – деловой центр Индонезии.....	20
2. Современный традиционный деловой этикет.....	25
3. Влияние Запада на деловой этикет индонезийцев и современную предпринимательскую культуру.....	29
4. Китайский капитал в экономике современной Индонезии	34
• Китайский предпринимательский менталитет.....	37
5. Коррупция, Сговор, Семейственность. Трансформация из бича госаппарата в обыденность.....	40
• Патронаж как неотъемлемая часть индонезийской бизнес культуры.....	44
• Сговор и семейственность.....	49
Глава III – Будущее.....	53
1. Модель развития индонезийского бизнеса на ближайшие 5-10 лет...53	
2. Будущее предпринимательской культуры Индонезии. Трансформация облика индонезийских бизнесменов.....	57
3. Заключение.....	59
Список используемой литературы.....	60
Приложения.....	62

Введение

Индонезия – страна практически неограниченных бизнес возможностей. Во второй половине XX века, после обретения независимости, экономический двигатель этой жемчужины Нусантары стремительно набирает обороты, завоевывая для неё всё более устойчивое и почетное место среди государств Азии. С четвертым по численности населением в мире (а именно ок. 240 миллионов чел.), страна обладает внушительным потенциалом трудовых ресурсов, и этот факт воспитал в передовых представителях индонезийской нации чувство здоровой конкуренции и предпринимательскую изобретательность. Не будем забывать о культурном и этническом многообразии страны. Здесь представлены две авраамические религии в формах суннитского течения ислама, а также христианство в форме католицизма, протестантизма, и даже православия, присутствуют и другие христианские ответвления. Всё чаще исследователи выделяют и «современный ислам» (Islam Modern) наравне с традиционным (Islam Tradisional), для первого характерно более свободное отношение к стилю жизни и отправлению религиозных обрядов. Помимо этих, признаваемых государством авраамических религий, в стране присутствует иудейская община, которая насчитывает от 200 до 800 прихожан, а также община последователей бахаизма (она располагается в городе Самаринда, Восточный Калимантан).

Дхармический пласт религий представлен буддизмом (как махаяна, так и тхеравада), индуизмом (подавляющее большинство последователей-балийские индуисты), джайнизмом, другими узкими течениями восточных мировоззрений. Некоторые граждане Индонезии придерживаются конфуцианской философии.

Расположение рассматриваемого государства на дуге Тихоокеанского Вулканического Огненного Кольца не следует рассматривать как исключительно негативный момент. Геологические процессы, характерные для зон с повышенной вулканической активностью, принесли Индонезии богатство и разнообразие полезных ископаемых, среди которых нефть, природный газ, энергетические и металлургические угли, марганец, золото, медь, молибден, драгоценные и полудрагоценные камни, никель, железо, олово, сера, бокситы, кобальт, серебро, и другие ценные минеральные ресурсы.

С крупнейшей экономикой в Юго-Восточной Азии, Индонезия имеет аграрно-индустриальную модель развития, в список задействованных отраслей которой входят: банковский сектор, сфера услуг, туризм, сельское хозяйство, животноводство, обрабатывающая промышленность, легкая промышленность, наукоемкое машиностроение и электроника, производство машин и оборудования, добывающая промышленность и нефтехимия, пищевая промышленность, итд.

Это краткий очерк экономических возможностей рассматриваемого государства, но уже на основании этого можно сделать вывод о внушительных перспективах индонезийского бизнеса, от мелкого до крупного, как частного, так и с участием государства.

Я выбрала тему «Предпринимательская культура Индонезии» для того чтобы рассмотреть актуальную в настоящее время трансформацию индонезийского бизнеса, глубже понять предпринимательский менталитет индонезийской нации, его роль в настоящем и будущем экономическом успехе этой страны, найти его истоки и смоделировать его возможное место в будущем индонезийского бизнеса.

Глава I Истоки индонезийской предпринимательской культуры

Единство во многообразии

Индонезийское общество является по своей сути плавильным котлом, где причудливо смешались, конструктивно взаимодействуя, и временами конфликтуя, традиционная яванская культура, берущая свое начало в анимистических верованиях древних яванцев, древняя индо-буддийская культура – напоминание о былом могуществе военно-торговых индо-буддийских княжеств Нусантары, исламская культура, проникновение которой началось в 11 веке н.э., христианская культура, которую принесли западные колонизаторы, современная китайская культура, островки которой прибыли в Индонезию с иммигрантами из Южного Китая.

В течение веков индонезийская нация формировалась под действием различных, если не диаметрально противоположных, менталитетов, обычаев, верований, поведенческих клише. И теперь перед нами предстает страна, государственным девизом которой было избрано изречение «Bhinneka Tunggal Ika» - Единство во многообразии.

В теории, формировавшаяся испокон веков культурная терпимость должна была бы перейти в предпринимательскую сферу, породив толерантность и здоровую конкуренцию в деловых кругах. Однако на практике всё еще наблюдается неприязнь между предпринимателями из «чужих» религиозных и национальных кланов.

Стоит уделить особое внимание структуре индонезийского общества, ведь правила, действующие в нем, действуют и в бизнес кругах в 90% случаев. Индонезийское общество остается патриархальным, и личность человека рассматривается через призму его принадлежности к семье или племени, из которых он происходит, его окружения, в том числе

влиятельных покровителей (покровителя) – фигуры, которая стоит за его личными успехами. Очень часто можно слышать, как разговор только что познакомившихся деловых людей средних лет начинается не с вопросов об образовании, карьере, предыдущих местах работы, достижениях, планах на будущее, а с вопросов «Кто Вы по национальности (из какой индонезийской народности происходите?)»; какую религию Вы исповедуете?; кто Ваши родители?; есть ли у Вас своя семья и дети?». Это считается хорошим тоном среди индонезийцев, и, возможно, по их мнению, дает им больше информации о собеседнике, чем кажется на первый взгляд. Однако, если подобный диалог происходит между местным жителем и человеком с Запада, это может смутить некоторых европейцев, не привыкших говорить о религии и личной жизни с «первым встречным».

Еще она примечательная особенность, которая проявляется при знакомстве и последующем общении с индонезийцами, – их любовь ко всевозможным титулам и званиям. Если человек имеет научную степень, военное звание, или совершил Хадж, он не забудет указать эту информацию на своей визитной карточке, даже если это никак не связано с его фактической должностью.

Ключ к успеху в бизнесе, и не только в Индонезии, - это вежливость. А вежливость в Индонезии – это целый пласт национального менталитета. Вежливость, традиционно присущая яванцам и выражаемая в подчеркнутой почтительности к собеседнику, распространилась и на другие индонезийские этносы, и может на первый взгляд показаться европейцу слабыхарактерностью или даже злым умыслом, но в действительности за подобным поведением кроется проявление национального характера индонезийцев.

Предпринимателя из Индонезии не спутать с его коллегой из Тайланда или, скажем, с Филиппин, несмотря на этническую общность.

Индонезийцам удается сохранить свой колорит и характерный предпринимательский почерк.

Яванская (традиционная малайская) предпринимательская культура

Остров Ява – не самый крупный из островов Архипелага, его площадь составляет всего 132 тыс. км², однако на нем проживает больше половины населения страны, что делает его самым густонаселенным островом в мире. Первые социально организованные поселения на Яве появились ок. 10 века до н.э.. Предки современных индонезийцев предпочитали селиться либо у побережья (и заниматься рыболовством и торговлей), либо в глубине островов, разворачивая поселения в районах, где они могли заниматься культивацией риса и других культур, речным рыболовством и животноводством.

Выгодное расположение современной Индонезии на морских путях из Южной Азии в Восточную с самого начала истории страны предрасполагало обитателей индонезийского архипелага к торговле. Именно вокруг портов возникли первые крупные города и даже догосударственные образования, когда в самом начале нашей эры сформировались морские торговые пути из Южной Азии (преимущественно Индии). Эти морские торговые пути проходили вдоль Малаккского пролива, огибали Суматру, Яву и Калимантан, и способствовали установлению коммерческих отношений между крупными государствами того времени, а также культурному обмену.

В начале второго века нашей эры, с проникновением в Нусантару ислама, появились новые возможности для торговли. Арабские купцы, в чьих кругах вращались огромные капиталы, обладали отлаженной торговой системой, и искали новые «рынки сбыта». Постепенно они осели в прибрежных районах, а начиная с 14 века н.э., под влияние ислама подпала значительная часть современной территории Индонезии.

Следует признать, что приобщение к арабской культуре несло выгоду индонезийцам. Исламское имущественное право предусматривает равные права (или даже особые привилегии) и отсутствие ростовщического процента исключительно для единоверцев. Иными словами, становясь «своими» для богатых и влиятельных купцов с ближнего востока и из мусульманской Индии, индонезийцы гарантировали себе стабильный доход и выгодные бизнес связи.

Можно привести примеры султанатов и княжеств, чей экономический и, главным образом, торговый расцвет стал следствием укоренившегося в них ислама:

- Султанат Аче (с центром на сев. Суматре)

Расцвет султаната Аче пришелся на первую половину XVII века. В его состав входили территории Северной, Восточной, Западной Суматры, западное побережье Малаккского полуострова, острова в Малаккском проливе. Ачехские предприниматели имели связи с Индией, плавали к берегам Красного моря. Султанат посещали торговцы из Индии, Турции, Китая, Персии, Эфиопии, Бирмы, Аравии, из соседних княжеств Нусантары. Следует отметить, что в настоящее время провинция Аче представляет собой самый исламизированный уголок Индонезии;

- Султанат Бантен (зап. Ява)

Сформировался в 20-х годах XVI в. и превратился в главный центр яванской международной торговли;

- Султанаты Тернате и Тидоре (вост. Индонезия, Молуккские острова)

Контролировали торговлю ценными пряностями;

- Бугско-Макасарские княжества (юго-запад Сулавеси)

В XVI – начале XVII вв. они боролись за торговые пути с португальцами ¹.

Исторически яванский менталитет сложился таким образом, что торговля и ростовщичество не являлись уважаемыми и престижными

---

¹ По материалам: А.Ю.Другов, В.А. Тюрин – История Индонезии XX век // Москва ИВ РАН 2005

занятиями. Яванцы – это ремесленники, воины и управленцы. Личность главного пророка ислама – Мохаммеда изменила это представление.

Этот арабский проповедник единобожия, который при жизни занимался торговлей, способствовал формированию мусульманского права (в том числе и мусульманского торгового права), так как в соответствии с догмами ислама действующее право пришло от Аллаха, который открыл его человеку через своего последнего пророка (Мохаммеда), даровав ему Коран, где мусульманская правовая система берет начало.

С приходом колонизаторов в регион ситуация изменилась. На протяжении почти 350 лет господства Нидерландов, участие местного населения в предпринимательской деятельности не приветствовалось. Голландцы охотнее сотрудничали с китайскими и другими иммигрантами. Возможно, именно тогда зародились корни современной коррупции, пронизывающей все сферы индонезийской экономической, политической, и повседневной жизни. И, возможно, тогда же зародилась свойственная индонезийцам «правовая апатия», когда простой человек, не наделенный властью и не близкий к большим деньгам, ощущает себя беспомощным перед лицом коррупции и произвола властей предрержащих (обычно по совместительству являющихся властителями капитала). И тогда этот простой человек в индонезийском обществе понимает, что право не распространяется на тех, кто может купить закон, естественно, в фигуральном смысле (заплатив судьям, чиновникам, полиции, и кому угодно).

Эти 350 лет дискриминации затормозили модернизацию предпринимательского менталитета и бизнес культуры коренных индонезийцев.

История возникновения китайской бизнес элиты в Индонезии

Первым официально зафиксированным контактом этнических китайцев с этническими жителями Архипелага считают 1293 год, когда монголоидные выходцы с континента начали проникать на территории Архипелага. У китайцев жители архипелага переняли некоторые навыки: например, строительство мощных и маневренных с точки зрения уровня технического развития кораблей (джонок), обработку металлов, чеканку монет. В древних китайских источниках сказано, что до китайских торговцев никто не закупал гвоздику у молуккских султанатов Тернате и Тидора. Они фактически открыли молуккскую гвоздику для трейдинга, однако, впоследствии, были вытеснены из этой ниши рынка специй яванскими торговцами из окрепшего и разросшегося Маджапахита.

Как ни парадоксально, но согласно одной из теорий именно благодаря китайским торговцам в регионе появился ислам. Другие теории говорят в пользу индийских торговцев - мусульман из Гуджарата. В любом случае, в начале XV века, яванские источники отмечают прибытие на Архипелаг китайских торговцев - мусульман хуэйцзу. Они предпочитали устраивать свои торговые поселения по северной оконечности острова Ява, однако нет никаких письменных свидетельств о наличии поселений китайцев-мусульман в этих районах в XVI веке. Скорее всего, хуэйцзу начали смешиваться с местным яванским мусульманским населением и растворились в нем, а на их месте прижились китайцы из более поздних волн эмиграции. Между 1450 и 1520 годами, китайская правящая Династия Минг не включала торговлю с Индонезией в круг своих приоритетных интересов, и китайцам в диаспоре приходилось искать себе занятия среди местного населения островов. К счастью для диаспоры, ростовщическая

ниша была не занята, так как в исламе, всё обширнее покрывавшем территорию Архипелага, запрещена деятельность менял, ведь она включает взимание запрещенного (харамного) ростовщического процента. Первые частные семейные банки южной Нусантары появились именно в китайской среде. В 1567 г. Китайской Империей была возобновлена торговля с Архипелагом, разрешены частные сделки китайцев с иностранными предпринимателями. В том же году более 50 джонок, нагруженных китайскими товарами, отправились на юг, чтобы вернуться назад с пряностями и древесиной.

Несколькими годами позже серебро пришло в регион с торговцами из Японии и Аравии, что снова подстегнуло торговлю. Отдельные китайские поселения стали появляться в сотнях портов Юго-Восточной Азии, в «перечном» порту Бантена была весьма крупная китайская колония, состоящая из нескольких десятков семей.

Когда в начале XVI века на Архипелаг прибыли португальцы, они отметили наличие крупной китайской диаспоры в регионе, разделенной на кланы по языковому и племенному принципу. Китайцы приняли тактически выигрышное решение, когда после захвата Португалией в 1511 г. Малакки (на Малаккском полуострове), начали бойкотировать торговлю с Малаккой (то есть с португальцами), полностью обратив свое внимание на яванских и малайских торговцев, которые оценили такой шаг.

Голландцы, прибыв на Архипелаг в начале XVII века, убедились в том, что на северной оконечности Явы проживают талантливые торговцы и ростовщики. Некоторые китайцы, правда, были заняты в сельском хозяйстве в глубине островов. В ходе Нидерландской Ост Индской Компании, был захвачен яванский порт Джаякерта, и основана столица НОИК – Батавия. Это место стало центром сосредоточения китайской диаспоры при голландцах и остается таковым сейчас, в нынешней Джакарте.

Голландцы быстро осознали, что китайская диаспора может быть полезна колониальному правительству в качестве посредника между местным населением и пришельцами из Европы. Голландское правительство всячески поощряло китайскую диаспору и иммиграцию (которая переживала сильнейшие свои волны), установив за китайцами экономические привилегии и широкие права собственности. Так, например, китайцам наравне с европейцами разрешено было приобретать сельскохозяйственные земли с проживающим на них населением в феодальную собственность. И, хотя китайские новоиспеченные феодалы были обязаны торговать своей продукцией только с голландской стороной и только по назначенным (фактически навязанным) ценам, их социальное и финансовое положение было гораздо более терпимым, нежели положение коренного населения. Подобная политика никак не способствовала ассимиляции китайского населения среди местных народов. Кроме того, это привело к установлению довольно проблематичных межэтнических отношений, которые не исчерпаны и сегодня. Пользуясь благосклонным отношением со стороны голландцев, китайцы поддерживали колониальное правление, которое, в свою очередь, не преминуло ввести систему расовой классификации для разделения прав этнических китайцев и этнических малайцев. В первые годы голландской Ост-Индии, китайское население активно способствовало голландскому господству в регионе.

Значительную часть китайской «колониальной» волны иммиграции составляли рабочие-кули, которых сами же китайцы ввозили с континента для работы на сахарных и других плантациях. К началу XVIII века голландские власти время от времени вводили ограничения на дальнейшую иммиграцию из Китая, подстраиваясь под изменяющиеся требования рынка рабочей силы, однако, это не положило конец ввозу рабочих-кули, которые прибывали в дальнейшем через взятки местным органам власти.

На протяжении всего периода голландского господства в регионе, китайцы занимали шаткое положение. Полностью зависимые от милости колониального правительства, испытывающие на себе ненависть местного населения, они вынуждены были мириться с «Этическим Курсом», урезавшим их права на экономическую деятельность и другими ограничениями, которые вводили голландцы, как только им казалось, что китайцы забывают о своем положении и своей роли, отведенной им в структуре Нидерландской Индии.

К началу XX века большинство китайцев ассимилируются в индонезийской среде (но не среди индонезийской нации), они не уезжают на континент, хотя многие поддерживают связи с Китаем. Китайское население Индонезии активно поддерживало движение за независимость во времена японской оккупации 1940-х. Из-за сложностей с точным определением этнической принадлежности, данные о роли участия китайцев в революции за независимость страны остаются спорными. Мало кто из китайцев участвовал непосредственно в индонезийской освободительной армии, однако роль китайцев в снабжении армии и населения товарами и продовольствием велика.

Дискриминационные настроения по отношению к китайцам разгораются с новой силой после объявления независимости. Со временем ситуация всё более и более накаляется. Погромы при президенте Сухарто привели к огромным жертвам среди китайского населения, не принимавшего все условия выставленных корректив. Тем не менее, подчиняясь постановлениям правительства, многие китайцы были вынуждены переехать в крупные города страны. Гонения обрушились и на китайский язык, школы с преподаванием на китайском были закрыты, было также запрещено использование иероглифов на вывесках. Этнических китайцев вынудили взять индонезийские имена и фамилии, и, опасаясь расправ, многие перешли в ислам. Большинство из

дискриминационных постановлений были отменены с отставкой президента Сухарто в 1998.

Как бы то ни было, китайская элита, обладавшая значительными объемами капитала и деловой хваткой, оказалась полезной и для новоиспеченной элиты свободной Индонезии. Первые за счет своих инвестиций получили фактический контроль над экономикой и стабильное будущее, последние – доступ к китайскому капиталу, связям и предпринимательскому таланту. Как это часто бывает в истории, особо богатые круги не испытали на себе горечи погромов, в то время как этнические китайцы среднего класса «хлебнули сполна».

Политическое давление во второй половине XX века фактически не допускало китайцев в такие сферы, как политика и армия. И в наши дни редко можно встретить китайца на высоком государственном посту, и, тем более, в армии. Но исключения все-таки есть. Например, интересы современных этических китайцев представляет Китайская Индонезийская Реформистская Партия, или Chinese Indonesian Reform Party (Partai Reformasi Tionghoa Indonesia, PARTI).

Действия правительства Индонезии в конце XX века можно оценивать как направленный культурный геноцид. 1998 год был отмечен значительными погромами китайских магазинов и жилищ. Эти события получили широкую огласку в мире и привели к массовым выступлениям, осуждающим правительство Индонезии во многих странах мира, где присутствует китайская диаспора. В результате событий 1998 года, многие китайцы вынуждены были уехать в Китай, Австралию, соседние страны Азии, Европу и Америку.

После того, как на президентских выборах 1999 года был избран Абдуррахман Вахид, многие дискриминационные законы были отменены, китайцы смогли продолжить свою коммерческую деятельность,

но вздохнуть с облегчением не решились. Президент Мегавати Сукарнопутри в 2003 году объявила китайский Новый год национальным праздником. В 1998 году был снят запрет на преподавание китайского языка, в последние годы всё большим спросом стали пользоваться курсы китайского языка. Запрет его использования на телевидении действовал с 1965 по 1994, однако лишь в ноябре 2000 года каналом Metro TV был выпущен первый выпуск новостей на путунхуа, это положило начало вещанию на китайском языке. Формально, в наши дни не существует никаких дискриминационных законов в отношении китайцев как этноса, коль скоро рассматриваемый индивид является гражданином Индонезии. Однако, этнический и религиозный конфликт так и не исчерпал себя на бытовом уровне. Расистские высказывания как со стороны коренного населения, так и со стороны китайцев можно услышать от представителей всех поколений, разных профессий и независимо от уровня дохода. Показательно то, что и дела в Индонезии предпочитают вести «со своими». В компании с генеральным директором- китайцем не обязательно будут работать его ближайшие родственники, однако, выбирая на собеседовании между равно квалифицированными претендентами китайского и малайского происхождения, отдел кадров скорее всего предпочтет первого.

Не так далеко ушли в прошлое времена, когда народные массы, состоящие из этнических малайцев- мусульман, недовольные скачками цен на продовольствие, спешили громить лавки частных предпринимателей-китайцев, не отдавая себе отчета в том, что перекупщики повышают цены, подчиняясь возрастанию первоначальной стоимости продукта и цен на сырье, а не из собственного желания создать нестабильную ситуацию на рынке перераспределения.

Тем не менее, индонезийская ситуация - это не исключительный пример в мировой истории, а с распространением светского ислама и более

свободного мировоззрения, этнорелигиозные проблемы отходят на второй план, уступая место проблемам социального и экономического характера.

Голландское господство

В начале XVI на территорию архипелага Нусантара начали проникать европейские колонизаторы. Не касаясь морально-этической стороны этого процесса, и не оправдывая варварские и эксплуататорские методы сначала португальцев, а затем британцев и голландцев, стоит признать что именно колонизаторы с Запада включили Индонезию в систему общемировой торговли, иными словами, ввели ее в круг стран, поставляющих свою продукцию во все уголки мира. Очевидно, они не ставили это своей целью, и интересовала их лишь легкодоступная прибыль от продажи специй, табака и другой сельскохозяйственной продукции.

А в конце XIX – начале XX в. в сферу интересов колонизаторов попали и минеральные ресурсы: олово, нефть, железные и никелевые руды, угли. Вспомнить хотя бы успех англо-голландской компании Royal Dutch Shell, которая начинала свою деятельность как раз с эксплуатации минеральных ресурсов Индонезии. Однако, именно пришельцы с Запада составили первые геологические карты действительных и предполагаемых месторождений.

Основную роль в торговой интеграции Индонезии сыграли голландцы, которым после долгих конфликтов с другими европейскими претендентами на индонезийские богатства, все-таки удалось в начале XVII в. захватить монопольную власть над страной (англичане все же заставят их «подвинуться» тремя веками позже).

Среди результатов деятельности голландцев (Нидерландской Ост-Индской компании) в Индонезии можно выделить:

- Усиление роли китайцев в жизни страны, которые стали выполнять посреднические функции между голландскими

управленцами и местным населением; Китайцы также занимались ростовщичеством и имели право приобретать сельскохозяйственные площади и мануфактуры (с условием продавать свою продукцию колонизаторам).

- Захват в 1619 г. яванского княжества Джаякерты, и учреждение на ее месте административного центра НОИК – Батавии, в 1945 ставшей столицей независимой Республики Индонезия – Джакартой;
- Внедрение и культивация новых культур (кофе, какао);
- Культивация и продажа сахарного тростника, индиго, хлопка, чая, табака, перца, пальмового масла;
- Христианизация некоторых районов страны;
- Несущественное улучшение здравоохранения. (Хотя стоит признать, что к началу XX в. удалось ликвидировать массовые эпидемии)
- «Открытие» Индонезии для европейского рынка. На протяжении голландского господства Индонезия не имела прямых контактов с европейским рынком. Страна жестко удерживалась в системе дуальных отношений со своей монополией. Нидерланды же, в свою очередь, торговали индонезийскими товарами от своего имени. Только после обретения независимости индонезийская экономика почувствовала плюсы участия в мировой торговле;
- Учреждение первых банков (европейских);
- Развитие судоходства на базе голландских пароходов;
- Строительство первых железных дорог, создание первых телеграфов, учреждение регулярного почтового сообщения на территории страны;
- Привлечение в индонезийское сельское хозяйство, промышленность и банковскую сферу иностранных инвестиций.²

---

² По материалам: А.Ю.Другов, В.А. Тюрин – История Индонезии XX век // Москва ИВ РАН 2005

Голландские колонизаторы на протяжении бóльшей части своего господства не поощряли предпринимательские инициативы местного (яванского) малайского населения. Действуя в рамках захватнической модели, голландцы, естественно, приближали к себе представителей местной элиты, наделяя их атрибутами власти и престижа, однако последние неукоснительно подчинялись слову центра. Вспомним договоры с местными индонезийскими управленцами, и последующее «краткое заявление»: суть всего вышеперечисленного сводилась к превращению ищущих власти и защиты наместников в марионеток, которые еще могли найти общий язык с бесправным населением Индонезии и сдерживать народное негодование.

Монополия неприкрыто эксплуатировала как ресурсы своего доминиона, так и труд его жителей на полях и мануфактурах, используя механизмы идентичные механизму крепостничества на Руси. Даже формально свободный промышленный пролетариат, занятый на фабриках конца XIX века, регулярно ущемлялся в базовых человеческих правах и свободах, рабочие подвергались насилию, не существовало единого трудового кодекса. С этой точки зрения, голландское пребывание едва ли помогало развитию предпринимательской культуры среди индонезийцев. Скорее оно укрепляло феодализм на местах, упрощало процесс управления простым населением через местных старост, регентов и др.

Существенных изменений в отношениях монополия-доминион не произошло и после введения в начале XX века «Этического курса», на котором настояла одержавшая победу на выборах 1901 г. «Христианская

Коалиция», состоявшая из Католической партии и протестантских Антиреволюционной партии и Христианско-исторического союза.³

«Этический курс» еще сильнее настроил местное население (от крестьян и рабочих до интеллигенции) против колонизаторов. Фактически не было проведено никаких либеральных реформ, способствующих развитию национального малайского предпринимательства. Впоследствии потребовалось только время для того чтобы недовольство переросло в национально-освободительное движение, лидерами которого стали просвещенные и предприимчивые представители интеллигенции, не желавшие для своей страны вечного колониального гнета.

---

³ По материалам: А.Ю.Другов, В.А. Тюрин – История Индонезии XX век // Москва ИВ РАН 2005

Глава II Современность

Джакарта – деловой центр Индонезии

Джакарта – столица Республики Индонезия, представляет собой еще и самый густонаселенный город в Юго-Восточной Азии, экономический (в т.ч. коммерческий), политический и культурный центр государства. Популяция Джакарты достигает почти 10 миллионов жителей, в основном за счет прибывающих в поисках работы и более высокого уровня жизни жителей других городов и провинций страны.

С самой быстрорастущей экономикой в ЮВА, Индонезия и её «бизнес сердце» тяготеют к рыночной модели развития, с весомой долей присутствия государства в управлении рынком. В финансовом секторе Джакарты есть слабые стороны, по показателям которых современная Батавия проигрывает своим азиатским соседям – Сингапуру и Гонконгу. В первую очередь, это банковский сектор, ресурсов которого просто недостаточно для покрытия всей потенциальной клиентуры. Более того, некоторые эксперты отмечают «хрупкость» и неустойчивость банковского сектора Джакарты, отсутствие эластичности и способности быстро лавировать и приспособливаться к экстренным и изменчивым ситуациям на финансовом рынке.⁴ Еще одна проблема, характерная для Индонезии в принципе, но более всего для Джакарты, где вращаются огромные капиталы, – повсеместная коррупция. В повседневном обиходе нередко

---

⁴ The Jakarta Globe “Global economy shows 'fragile' improvement: IMF” by Mike Patterson March 27, 2012

употребляется популярная аббревиатура «KKN», которая расшифровывается как: *Korupsi, Kolusi dan Nepotisme* – Коррупция, Сговор, и Семейственность.

Практически невозможно в условиях такой плотной заселенности города, наладить соответствующую инфраструктуру, отвечающую потребностям самого «тесного» уголка Юго-Восточной Азии. Это вызывает сравнительно высокие цены на электроэнергию и очищенную воду. Еще плачевнее дела обстоят с системой транспорта, которая не раз была признана самой неудобной и неэффективной с точки зрения состояния дорог, организованности движения, и скорости движения (джакартские пробки, кажется, уже стали притчей во языцех всех туристов и самих джакартцев).⁵ Налажена широкая сеть такси, однако это не спасает от пробок, застрявшие в которых изнывающие от жары пассажиры переполненного автобуса беспокоятся об опоздании так же, как и пассажир кондиционированного такси.

Индонезия не избежала времен, когда иностранные инвесторы обходили стороной рынок инвестиций этой страны, опасаясь нестабильности в регионе и откровенной неуверенности в будущем своих вложений. К счастью, современное Правительство осознает важность притока новых капиталов, и активно проводит политику привлечения иностранных инвесторов. Для контроля за деятельностью иностранных компаний и инвесторов в 2007 году было обновлено инвестиционное законодательство (Hukum Penanaman Modal Asing), принят новый закон, регулирующий иностранные капиталовложения (Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 25 Tahun 2007 Tentang Penanaman Modal). Новое законодательство предусматривало налоги, отличные от тех, коими облагаются местные предприниматели, а также обязанность экспата иметь не более 33,3%

---

⁵ The Global Review “Jakarta Transportation System Worst in the World” 02.07.2011. Статья по данным Global Future Institute

акций в своей компании. Остальные 66,6% инвестор-иностранец обязан распределить между гражданами Индонезии, включив их в совет директоров своей компании. Инвестиционное Законодательство, к счастью, за последние 2 года было доработано и претерпело значительные изменения, продолжается его либерализация, вводятся новые формы предпринимательской собственности, предлагающие расширенные права для иностранного владельца.

По итогам 2011 года, на Особый Столичный Округ Джакарта (Provinsi Daerah Khusus Ibukota Jakarta) пришлось 4,8 миллиарда долларов США, а это 25% всех иностранных инвестиций, поступивших в Индонезию за прошлый год.⁶ Вопреки всем негативным предостережениям, Джакарта становится всё более стратегически важным местом, притягивающим современные бизнес технологии. Интерес инвесторов подогревает и обширный рынок сбыта, найти нишу в котором легко для продукта любой ценовой категории.

В Джакарте располагаются индонезийские Товарно-Сырьевая Биржа (ICDX - Indonesia Commodity and Derivatives Exchange) и Рынок Ценных Бумаг (IDX – Indonesia Stock Exchange), на котором помимо Джакартского Сводного Индекса (Jakarta Composite Index - JSX Composite), введен Джакартский Исламский Индекс (JI – Jakarta Islamic Index).

В финансовом секторе города важную роль занимают страховые компании. История некоторых из них восходит еще к колониальным временам. Среди страховых компаний, основанных голландцами, особняком стоит самая успешная из постколониальных правопреемниц: PT. Asuransi Jiwa Bersama Bumiputera. Сейчас контрольный пакет её акций принадлежит государству.

---

⁶ Отчет Координационного Комитета по Капиталовложениям (Badan Koordinasi Penanaman Modal): Опубликовано в Antara News Jakarta. “Provinsi DKI Jakarta favorit investasi asing 2011” by Desy Saputra 19.01.2012”

В настоящее время, Правительство, стараясь объединиться с частным сектором, направляет усилия на создание новых рабочих мест, улучшение инвестиционного климата в стране и расширение возможностей для мелкого и среднего частного бизнеса, упрощение процедуры выхода на рынок.

Остается только гадать к какому сроку Индонезии удастся «залатать пробоины» в своей экономике: сформировать устойчивую и гибкую финансовую систему, повысить конкурентоспособность отраслей своего фактического производства и сферы услуг. Практически невыполнимой мечтой выглядят лозунги индонезийской правящей элиты «полностью искоренить коррупцию».

Однако, со всеми своими достоинствами и недостатками, Джакарта остается столицей с бурлящей финансовой жизнью, через институты которой ежедневно проходят колоссальные суммы в местной и иностранной валюте. Индонезия и ее азиатские соседи, пережили в период финансового кризиса 1997-1998 гг. падение курса национальной валюты, падение фондовых индексов, рост инфляции, увеличение объема корпоративного долга, громкие банкротства корпораций. Сигналы выздоровления основных экономик Юго-Восточной Азии стали поступать в начале 1999 года. Индонезия получила новый импульс для развития, относительно безболезненно пройдя через стадию рецессии, и постепенно наращивает объемы своего ВВП.

Ниже в таблице ⁷ наглядно показана тенденция планомерного прироста ВВП Индонезии за период 1965 - 2010 гг. (и резкий провал между 1997-1998 гг.)

Экономические последствия кризиса 1997-1998 гг. были относительно быстро исправлены, а вот политический режим «Нового Порядка» был слишком изношен, и, будучи не в силах приспособиться к изменившейся Азии, рухнул в 1998. Помимо отставки индонезийского диктатора Сухарто, азиатский финансовый кризис вызвал такие политические последствия, как, провозглашение независимости Восточного Тимора и раскол в правительстве Махатхира Мохамеда (Малайзия).

---

⁷ Источник таблицы: World Bank 2012

Современный традиционный деловой этикет

На современный традиционный деловой этикет Индонезии значительное влияние оказывает ислам. Поскольку эту религию исповедует около 90% индонезийцев, действует негласное «право большинства», мусульманские нормы красной нитью проходят через общественную и деловую жизнь, и предполагается что каждый, независимо от личного к ним отношения, обязан уважать эти нормы. К сожалению, мусульманское население, особенно его старшее поколение, не спешит выказывать уважение к нормам других религий и культур.

Всё больше индонезийцев молодого поколения старается интегрироваться в гибкие деловые нормы Запада. Имея дело с молодыми предпринимателями, велики шансы встретить абсолютно вестернизированного представителя новой бизнес элиты Индонезии. Золотое правило здесь – заранее попытаться определить к какой культуре тяготеет Ваш новый знакомый. В подавляющем большинстве случаев, это легко сделать в первые 10-20 секунд общения.

Ниже приведен список норм ТРАДИЦИОННОГО делового этикета, действующих в настоящее время в Индонезии:

- Приветствие выражается в рукопожатии, часто обеими руками. Особую расположенность к собеседнику и уважение индонезийцы могут выразить сделав плавный жест правой рукой к середине груди. Этим они показывают что приветствуют собеседника «от всего сердца/от всей души»;
- На Востоке, и в частности в Индонезии, не принято крепкое рукопожатие как, например, в США. Здесь в этом могут усмотреть

проявление агрессии и надменность. Индонезийцы склонны слегка касаться руки собеседника, формально обозначая рукопожатие. Бизнесмены- экспаты нередко смущают своих местных подопечных, когда начальник может 30 секунд крепко трясти руку подчиненного, потрепать за плечо и даже приобнять, если тот последний сделал за месяц квартальную прибыль.

- Обмен визитными карточками обычно происходит в начале знакомства, сразу после приветствия и представления.
- Следует субъективно подходить к языку, на котором оформлена визитная карточка. Некоторые индонезийцы – ярые поклонники западных веяний и на них произведет впечатление скорее карточка на английском языке. Другие же могут усмотреть в такой карточке отголоски колониализма, когда «белые господа» не приветствовали обучение местного населения голландскому языку и не стремились интегрироваться в индонезийское общество. Этот тип людей положительно воспримет карточку, хотя бы одна сторона которой будет переведена на индонезийский язык, это будет восприниматься как жест уважения;
- Бизнес карточки обычно содержат информацию о всех возможных званиях и степенях, полученных её владельцем. Если мусульманин совершил Хадж в Мекку, то эта информация обязательно указывается в виде латинской “H” перед именем.
- По мусульманскому этикету, левая рука считается не чистой. Визитные карточки, подарки и любые другие вещи следует передавать правой рукой или обеими. Это правило автоматически получило распространение и среди немусульманского населения.
- Проявлением уважения к собеседнику является и долгое изучение визитной карточки, а также вопросы, касающиеся информации на ней. Почтение и интерес к деловому партнеру в Индонезии –

неотъемлемая, если не базовая, ступень в налаживании деловых отношений. Ни в коем случае не следует сразу же убирать карточку в визитницу, тем более после беглого ознакомления.

- Не существует специальной формы одежды для мужчин в индонезийском мире бизнеса, подойдет офисная одежда, стандартная для Запада. Женщинам рекомендуется одеваться в деловом стиле и максимально закрыто (ноги закрыты минимум ниже колен, руки закрыты как минимум ниже локтей, декольте не ниже ключиц). Лучше избегать облегающей одежды. Эти правила для женского костюма действуют во всем мире как часть делового дресс-кода, здесь же следует помнить и о влиянии в стране ислама. Нет обязанности закрывать волосы и лицо для женщин.
- В индонезийской культуре не распространена практика говорить прямо, настаивать на своем мнении и пытаться переубедить собеседника. Индонезиец едва ли вслух скажет что не согласен с Вами, и тем более в его согласии нельзя быть уверенным, если оно было получено под давлением. Очень часто Вы будете слышать то, что хотите услышать.
- В отличие от Запада, где в бизнесе главное – это прибыль и партнеры могут годами «терпеть» друг друга ради максимальной выручки, в Индонезии едва ли предприниматель будет иметь дело с кем-то, с кем у него не наладились теплые, дружественные отношения, преисполненные взаимного почтения.
- Приходя на бизнес встречу, стоит быть готовым к тщательному расспросу о личной жизни. По каким-то причинам индонезийцы считают что информация о семье, детях и отношении к религии может помочь им наладить контакты с собеседником. Один британский путеводитель даже рекомендовал европейским

бизнесменам не расстраиваться если за всю встречу о деле так и не удалось поговорить.

- Если на встречу прибыло больше двух человек, то вероятнее всего, впереди будет идти самый старший по возрасту и/или самый уважаемый член группы. Не обязательно следовать этому правилу, но это выразит Ваше уважение и продемонстрирует осведомленность традициями. Удивительная особенность: индонезийцы не всегда считают нужным открыть дверь перед местной женщиной (исключение составляют женщины в возрасте или особо уважаемые в обществе). Что же касается отношения к иностранцам, то их пропускают вперед вне зависимости от пола, возраста и заслуг.
- При принятии решения или при фактическом выполнении задания индонезийцем стоит набраться терпения. Долго выполняя работу, индонезийцы полагают, что демонстрируют насколько кропотливо, основательно, и внимательно они ее выполняют, как этот вопрос важен для них. Это никак не повлияет на конечный результат, но создаст у начальника хорошее впечатление о подчиненных. Эта черта роднит индонезийцев с арабами, и, видимо, проникла в культуру вместе с исламом. С одной стороны, причина этому поведению – жаркий и влажный климат тропиков. Но в наше время, несмотря на наличие кондиционеров в офисах, торговых центрах и автомобилях, некоторые индонезийцы не торопятся избавляться от этой привычки.
- Понятие времени в принципе стоит пересмотреть, если Вы имеете дело с индонезийским традиционалистом. Назначив что-либо на понедельник, рассчитывайте на понедельник следующей недели.

Но подводя итог, стоит еще раз напомнить, что это постепенно устаревающая модель поведения. Джакарта – бурно растущий деловой

центр, и в условиях бешеной конкуренции всё больше индонезийцев обращаются к сотрудничеству с западными капиталами, что заставляет их менять и свою предпринимательскую культуру.

Влияние Запада на деловой этикет индонезийцев и современную предпринимательскую культуру

В условиях повсеместной глобализации оградить свою страну от проникновения чуждых культур возможно только полностью закрыв границы. Индонезия, унитарная республика президентского типа, не просто не строит барьеры для прихода в стану других культур и менталитета, а, напротив, активно впитывает западные веяния. Эта тенденция получила распространение и в предпринимательских кругах.

Практически невозможно встретить на сегодняшний день страну, влияние на которую не оказала бы западная массовая культура, и в которую не проникли бы западные индустриальные и ритейлерские гиганты. Индонезия, в этом смысле, не исключение. В крупных городах, и прежде всего, в Джакарте, повсюду можно встретить вывески известных во всем мире банков, производителей электроники и техники, трейдинговых компаний, автосалонов, итд. Несмотря на сравнительно (если брать в расчет опыт Сингапура, Гонконга, Тайланда, Тайваня) строгую налоговую политику, осуществляемую государством в отношении иностранных инвестиций, транс-национальные корпорации и западные бизнес гиганты вполне успешно действуют на территории страны. На основании только субъективной оценки можно сделать вывод о постоянном росте прибыли иностранных корпораций; они открывают все новые представительства, расширяя сеть своих отделений, нанимая еще больше персонала. Так, за 2011 год американский банк CityBank, входящий в состав конгломерата

City Group, открыл 21 дополнительное представительство в крупных, и средненаселенных городах страны.⁸ Финансовый конгломерат Goldman Sachs в июне 2011 года выпустил рекомендации инвесторам, в которых призывает последних обратить свое внимание на индонезийские акции, и нарастить свой капитал на процветающем инвестиционном рынке этой страны.⁹ Фастфуд селлер McDonald's впервые вышел на индонезийский рынок в 1991 году, но никогда не переживал такой приток прибыли, как за последние 5 лет (2006 - 2011).¹⁰ Этот список можно продолжать, однако тенденция такова: крупные иностранные компании, которые способны позволить себе налоговые выплаты, процветают и расширяются в послекризисное время.

Не меньшего внимания заслуживают корпорации-гиганты из развитых стран Восточной и Южной Азии (Южной Кореи, Китая, Японии, Гонконга, Индии). Возможно, тут имеет место психологический фактор, но тем не менее, индонезийские крупные компании скорее заключат соглашение о сотрудничестве со своим азиатским «соседом», нежели с пришельцами с Запада.

Что же привлекает иностранные компании в Индонезию?

Во-первых, это широкий рынок сбыта, ведь если мы говорим о продуктах массового потребления, таких как техника, электроника, программное обеспечение и продукты питания, то Индонезия, с её четвертым по численности населением в мире, способна просто «проглотить» эти товары. Постоянно увеличивается паритет покупательной способности у населения городов¹¹,

---

⁸ City Group «2011 Challenge Review» (by Matthew Ross 17 November 2011)

⁹ The Jakarta globe - Muhamad Al Azhari June 07, 2011

¹⁰ The Jakarta Globe “McDonald's Strikes Back in Indonesia Burger Battle” Yessar Rosendar November 25, 2010

¹¹ Паритет покупательной способности по докладу ЮНКТАД 2010

Сейчас все большую долю в пирамиде потребностей начинают занимать товары и услуги не первой необходимости (еда и одежда), а предметы роскоши, компьютеры, бытовая техника, развлечения.

Кроме того, наличие в стране незанятых трудовых ресурсов, под чем я подразумеваю, прежде всего, низкоквалифицированные рабочие кадры, позволяет компаниям, занятым в создании массового продукта, перенести свое производство в Индонезию, сократив издержки. Таким образом, с точки зрения рынка человеческого капитала, Индонезия предстает для западного производителя практически идеальной площадкой для бизнеса: низы заняты в производстве массового продукта, верхи потребляют его.

Во-вторых, многообещающий рынок ресурсов. В первой главе уже приведен перечень природных богатств, как минеральных, так и аграрных, которыми может похвастаться эта страна. Здесь же уделю внимание интересу иностранных компаний к этим ресурсам.

Всплеском интереса к Индонезии как к «сырьевому придатку» эту страну уже не удивить, история хранит воспоминания о колониальном господстве и войнах за передел рынка пряностей.

С приходом независимости и политических перемен, колонизаторы потеряли свой контроль над этой сферой, однако только на время.

Вторая волна интереса к индонезийским аграрным и минеральным ресурсам со стороны Запада, да и восточных ТНК (из Гонконга, Сингапура, Японии, Южной Кореи) пришлось на конец XX века, 1999 – 2000 гг, этот интерес не спадает до сих пор.

В 2010 году, после проведения в Джакарте индонезийско-европейского Бизнес Диалога (the European Union-Indonesia Business Dialogue), представитель Координационного Совета по Инвестициям Индонезии (ВКРМ) Гита Вирджаван (Gita Wirjawan) заявил, что более десятка иностранных компаний выразили интерес к инвестированию в Индонезию более 5 миллиардов долларов США. Эти капиталовложения

запланированы на ближайшие 3-5 лет. Их интересуют угольная сфера, строительство железных дорог, портов, а также обработка бокситов. По словам чиновника, в случае с бокситами планируется возведение завода, перерабатывающего руду в алюминий, это позволит значительно повысить уровень качества продукта, а это, однозначно, выгодно для страны.¹²

Близость крупнейших потребителей минеральных ресурсов в регионе – Китая, Индии и Японии также заставляет инвесторов обратить внимание на эту страну.

По данным всё того же Координационного Совета по Инвестициям Индонезии, начиная с 1998 года объем новых прямых иностранных инвестиций в годовом исчислении вышел за рамки общей численности внутренних инвестиций. Другими словами, после кризисного периода, роль прямых иностранных капиталовложений в улучшении как, непосредственно внутреннего инвестиционного климата, так и роста национальной экономики, была более значительной, чем внутренние инвестиции.¹³

Конечно, Индонезия активно и с энтузиазмом воспринимает новые обширные иностранные капиталовложения, однако это не умаляет значимости предпринимательского самосознания среди местной бизнес элиты. 1 декабря 2007 года была открыта первая индонезийская биржа (Bursa Efek Indonesia / Indonesia Stock Exchange). Если даже отбросить экономические последствия этого шага со стороны правительства (а они заключались в выведении страны на качественно новый уровень рыночных отношений), открытие рынка ценных бумаг стало провозглашением независимости, самостоятельности, и жизнеспособности индонезийского бизнеса и элиты. 20 апреля 2010 г. Джакартский Сводный Индекс (Jakarta Composite Index - JSX Composite) побил новый рекорд, и на закрытии

¹² Nani Afrida, The Jakarta Post, Jakarta | Mon, 11/29/2010

¹³ Tulus Tambunan : Kadin Indonesia & Center for Industry and SME Studies, University of Trisakti, 2006

составил 3,794.76 триллионов рупий. Объем торгов в тот день был оценен в 5,9 триллионов рупий (68 миллиардов долларов США), с общей рыночной капитализацией в 3,384 триллионов рупий (389 миллиардов долларов США).

А 8 июля 2011 г. Композит перешел биржевой психологический барьер в 4,000 триллиона рупий, завершив торги на небывалой отметке в 4,003.69 триллиона рупий.

Как уже говорилось ранее, индонезийцы избрали путь симбиоза, или, по крайней мере, толерантного сосуществования с западной предпринимательской культурой. Нарастание доли присутствия западных корпораций и компаний из соседних государств Востока в стране говорит в пользу продолжения захвата рынка Индонезии и углубления взаимодействия бизнес культур участников диалога.

Ниже приведен список крупнейших корпораций, известных на мировом рынке, присутствующих на рынке Индонезии:

Microsoft Corp (США), Johnson & Johnson (США), Royal Dutch Shell Plc-A Shs (Нидерланды), Procter & Gamble Co/The (США), BP Plc (Великобритания), AT&T Inc (США), Nestle Sa-Reg (Швейцария), BHP Billiton Plc (Великобритания), HSBC Holdings Plc (Великобритания), JP Morgan Chase & Co (США), Chevron Corp (США), Toyota Motor Corp (Япония), Total Sa (Франция), Apple Inc (США), General Electric Co (США), Coca-Cola Co/The (США), Cisco Systems Inc (США), Intel Corp (США), Hewlett-Packard Co (США), Philip Morris International (США), Pepsico Inc (США), Mitsubishi Ufj Financial Group and Mitsubishi Corp (Япония), Unilever Plc and Nv-Cva (Франция- Нидерланды), Samsung Electronics Co Ltd (Южная Корея), Mcdonald's Corp (США), Rio Tinto Ltd (Австралия), British American Tobacco Plc (Великобритания), Visa Inc-Class A Shares (США), Honda Motor Co Ltd (Япония), Barclays Plc (Великобритания), Canon Inc (Япония), Kraft Foods Inc-Class A (США), Panasonic Corp

(Япония), Danone (Франция), Sony Corp (Япония), Ebay Inc (США), Mastercard Inc-Class A (США).

Китайский капитал в экономике современной Индонезии

В первой главе уже говорилось о роли и положении китайских диаспор в прошлом, до падения режима Сухарто. В этой главе речь пойдет о трансформации менталитета китайских магнатов в то состояние, которое можно наблюдать в настоящее время, а также о роли китайского капитала в экономике современной Индонезии.

Наиболее травмирующим для менталитета китайских предпринимателей событием были беспорядки в мае 1998, когда власти фактически отдали магнатов китайского происхождения на суд недовольной общественности.

Мое мнение таково, что для чиновничьей бюрократии всегда проще обвинить капитал во всех бедствиях народа, вместо того чтобы провести действительные реформы, или, во что верится с трудом, признать наличие у себя не менее обширных капиталов. С приходом гласности и псевдодемократии, отношение к отдельным этносам Архипелага трансформировалось из SARA табу¹⁴, которое действовало во времена Нового Порядка, в искаженную ксенофобию на почве материального неравенства.

Возникает вопрос, кому именно был выгоден передел рынка и оттеснение китайцев от «большого бизнеса»?

Индонезийский бизнесмен китайского происхождения Софьян Вананди (Sofjan Wanandi) в одном своем интервью¹⁵ так охарактеризовал

¹⁴ SARA табу. SARA: Suku, Agama, Ras, Antar-golongan (подробнее см. в Приложении 1)

¹⁵ Christian Chua interview with Sofjan Wanandi 1 July 2003 'Chinese big business? Don't waste your time.

They are all bankrupt!'

положение китайских крупных бизнесменов в тот период: «Китайский большой бизнес? Не тратьте время, они все обанкротились!»

Действительно, потрясения 1998 года обрисовывают отчаянное положение, в котором оказалась китайская элита. Демонстранты возложили на диаспору ответственность за системный экономический кризис, политики использовали магнатов в качестве «kambing hitam»¹⁶, а вандалы устраивали погромы частной и предпринимательской собственности китайских бизнесменов. Последние сделали два вывода: во-первых, они не могли больше полагаться на бюрократию, и должны были найти способ защитить себя сами, не прибегая к взяточничеству. Во-вторых, они все-таки вынуждены были искать новых покровителей, для того чтобы пережить социальную и экономическую турбулентность переходного периода и политическую нестабильность.

Авторитаризм Сухарто взаимодействовал с китайским капиталом, давая ему укрытие и более-менее ясное будущее. Новая же обстановка 1998 года сулила непредсказуемые последствия для крупного бизнеса. Черты централизации и протекционизма, характерные для авторитарного режима были потеряны, что сделало китайский капитал уязвимым перед вполне реальной угрозой банкротства и гигантских долгов, но самым нежелательным последствием для капиталистов было остаться не у дел при построении экономики новой Индонезии.

Некоторые из крупных магнатов, ожидая еще большего осложнения ситуации, решили покинуть страну в это беспокойное время и искать убежища в Сингапуре, Австралии, других странах. Так, по оценке издания Merdeka, в кризисный период отток капитала из Индонезии составил около 165 миллиардов долларов США.¹⁷ Это послужило основанием для

---

¹⁶ Kambing hitam подробнее см. в Приложении 2

¹⁷ Журнал Merdeka 6 June 1998 '110,000 WNI keturunan belum pulang ke Indonesia'

наблюдателей говорить, что китайский бизнес в Индонезии уже никогда не будет процветать.

Однако через несколько лет после этой «темной полосы» в истории китайского предпринимательства, босс крупнейшего конгломерата в Индонезии Энтони Салим (Anthony Salim), имеющий китайские корни, утверждал, что его компании не только не пострадали, но и процветают в новых условиях.¹⁸ Некоторые другие китайские магнаты, рискнувшие остаться в Индонезии, также отметили улучшение дел через несколько лет после нестабильности. Эпоха реформ (Reformasi), как, может быть, немного образно, называется пост сухартовская эпоха, очевидно, не нарушила многие структурные основы режима Нового Порядка, и не лишила олигархии власти над политическими решениями.

Широко распространено ошибочное приравнивание «обычных» индонезийцев китайского происхождения, занявших свои ниши в среднем классе, с магнатами китайского происхождения. Гонконгский журнал Far Eastern Economic Review писал в 1998 году что, «китайцы составляют всего 3,5% населения Индонезии, однако в их руках сосредоточены 70% экономики страны»¹⁹, и это утверждение с энтузиазмом было встречено политико-бюрократической элитой Индонезии, получившей своеобразное «укрытие» от нападков со стороны недовольного своим социальным положением населения.²⁰ Этот стереотип получил широкое распространение в прессе, в воображении общественности, и даже в научных работах.²¹

Примечательно описание положения китайского меньшинства через призму богатства немногих его представителей, изложенное

---

¹⁸ Christian Chua interview with Anthony Salim (13 April 2005)

¹⁹ Журнал Far Eastern Economic Review 28 May 1998: 'Shattered confidence. Ethnic-Chinese hold the key to economic revival'.

²⁰ Christian Chua interview with Habibie in Suryadinata 1999

²¹ Например у Хантингтона (Huntington 1996)

австралийским экономистом и политологом Майклом Бекманом (Michael Backman). Он пишет: «За исключением Японии и Южной Кореи, азиатский бизнес испытывает на себе внушительное влияние китайских предпринимателей. В Юго-Восточной Азии они полностью подчинили себе бизнес, составляя лишь незначительное меньшинство населения. Примерно 6% от общей численности населения стран – крупнейших экономик региона (Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Тайланда) является этнически китайским, но эти 6% контролируют, по меньшей мере, 70% частных корпораций. В число этого меньшинства в юбилейном 2000 году входили 17 из 18 миллиардеров Юго-Восточной Азии, по версии журнала Forbes. Но в Индонезии доминирование китайского капитала можно наблюдать так ярко, как нигде более. Фактически до 1997-98 годов, из 300 крупнейших индонезийских конгломератов, 217 (а это 72%) полностью или по большей части принадлежали индонезийским китайцам, неплохие цифры для этнической группы, составляющей около 3,5% населения страны».²²

Принимая во внимание эти заявления, можно сделать вывод: китайские магнаты избрали политику, при которой они уже не нуждались в поддержке бюрократии так, как бюрократия нуждалась и продолжает нуждаться в них.

Не следует забывать о том, что спохватившиеся этнические индонезийцы, не желая отдавать китайцам лакомые кусочки своей экономики, сами активно участвуют в предпринимательской деятельности. Их доля преобладает в малом и среднем частном бизнесе, они составляют практически 100% армии и госаппарата Индонезии (что не мешает им иметь неафишируемые бизнес связи в том числе и с китайской элитой).

---

²² Backman 2001 (подробнее см. Приложение 3)

Китайский предпринимательский менталитет

Не менее важно учитывать китайский менталитет и национальные особенности этого этноса через призму китайского успеха в бизнесе. Философия буддизма и конфуцианства продолжает оказывать подсознательное влияние даже на китайцев, принявших христианство, от качеств, воспитываемых веками из поколения в поколение, практически невозможно отделаться.

Китайский менталитет практически свободен от ксенофобии. Впрочем, мне не встречалась информация о китайцах, которые бы не гордились своим происхождением и бизнес успехами, если они есть (это к слову о межэтническом соперничестве с коренными малайцами)

Пожалуй, превалирующие в отношении других культур чувства – доброжелательность и любопытство (причем, не интерес, а именно любопытство). Возможно дело в китайском культе знания, в постоянном жадном желании учиться как на своих теории и практике, так и на чужих. Китайское сообщество в целом открыто для иностранцев, охотно заимствует у них технические достижения, и всё, что может помочь им добиться собственного успеха и процветания, при этом китайцы с трудом принимают чужую культуру и образ жизни, тем более если это антикультура. Они хранят уважение к предкам, к пожилым и образованным людям, никогда не переставая совершенствоваться.

На мой взгляд, одним из ключевых факторов открытости новому и мобильности китайского сознания является отсутствие каст и социальных барьеров в традиционной китайской философии. Так, традиционное общество отличалось высокой вертикальной мобильностью. Статус отца наследовал лишь старший сын, остальные опускались в социальной

иерархии на ступеньку вниз, и по прошествии нескольких поколений прямые потомки императора оказывались у основания социальной пирамиды. С другой стороны, «крестьянский сын», успешно сдавший экзамены по конфуцианской науке, мог со временем войти в императорскую свиту. Отсюда, отсутствие закомплексованности и умозрительных препятствий для быстрого продвижения вверх по карьерной и социальной лестнице.

Китайцы наблюдательны, усидчивы и усердны, они ставят образование и знание на вершину своей пирамиды ценностей, они прислушиваются к опыту и мудрости предков, не удивительно, что лучшие представители китайского сообщества во всем мире добиваются успеха в бизнесе и науке.

Коррупция, Сговор, Семейственность. Трансформация из бича госаппарата в обыденность

Как писал в 1999 году талантливый дипломат, а тогда министр иностранных дел Индонезии, Али Алатаас: «Коррупция, сговор и кумовство (Korupsi, Kolusi dan Nepotisme) представляют собой подчинение общественных интересов частным целям, с нарушением требований долга и общего благополучия, сопровождаемое интригами, предательством, и обманом, а также полным пренебрежением последствиями, с которыми столкнется общественность в результате этих действий.». Его определение в полной мере выразило поведение олигархии в эпоху Нового Порядка, которое сводилось к неограниченному, хищническому использованию государственного аппарата, основанному на взаимовыгодных механизмах. Не обошлось и без китайских диаспор, направлявших огромные суммы в качестве взяток за «политическое убежище» внутри собственной страны и за возможность вести бизнес.

В мае 1998 ситуация изменилась. После падения режима Сухарто, некоторые из старых практик стали неприменимы к новой системе, декларирующей политическую открытость и эффективность механизма сдержек и противовесов. Однако, эти заявления остались в большей степени заявлениями. Приход новой власти не означал полное прекращение практики присваивания государственных благ политической и экономической элитой. Сменились лишь составляющие этой элиты. Демократия не несла в себе никаких барьеров для ККН, не несет их и сейчас. Скорее, наоборот, демократический режим открыл новые возможности, и, особенно, для nepotisme, показывая что олигархия выжила и все еще держит госаппарат под своим контролем, привлекая все новых иждивенцев к кормушке потрясенной страны. Более того, с

децентрализацией управления произошла децентрализация коррупции. Это значит, что если раньше взятка главе ведомства давала зеленый свет во всех сферах деятельности ведомства, то теперь этот путь не гарантирует удачное завершение дел. Изменились модели «политического бизнеса», пути достижения власти и благосостояния стали более доступны, была деформирована иерархия политико-деловых отношений, но система ККН выжила как явление.

В эпоху «Нового Порядка» коррупция включала в себя полуформализованный процесс возвращения части дохода от бизнеса политикам в виде взяток, как необходимое вознаграждение за «допуск» в особо прибыльную сферу. С приходом Азиатского кризиса и сравнительной гласности и прозрачности в экономике Индонезии, проводить подобные операции стало сложнее, более того, как это обычно происходит в кризисное время, отрасли второстепенной важности перестали приносить доход, а получить доступ к одной из стратегических ниш индонезийской экономики, таким, например, как закупка вооружения, нефтяная и газовая промышленность, практически невозможно. Но и кризис коррупция пережила, внеся Индонезию в первую десятку рейтинга самых коррумпированных стран мира.

В раннее посткризисное время изменились цели коррупции. Теперь взяточничество должно было обеспечить элементарное выживание бизнеса и самих предпринимателей, зависящих от воли высокопоставленных «патронов», направлявших финансовые потоки, руководствуясь личными интересами и условиями сговора. И если в прошлом взяточничество должно было обеспечить расширение бизнеса, то после кризиса все силы были направлены на урегулирование долгов. К тому же, в связи с более децентрализованной структурой пост-сухартовской Индонезии, новая элита была менее влиятельной, но из-за этого и менее требовательной, и была восприимчива к деньгам во много большей степени, нежели к другим

благам, имевшим вес во времена авторитаризма. Таким образом стало легче подкупить соответствующих должностных лиц.

Это стало питательной средой для так называемой политики денег (Money politics), то есть политики, курс которой определяется деньгами. Она распространяется с самой верхушки, где в 2004 году Индонезийская неправительственная комиссия по расследованию фактов коррупции (Indonesian Corruption Watch / Komisi Masyarakat untuk Penyelidikan Korupsi) обнаружила более 14,5 миллиардов незарегистрированных, и следовательно, незаконных рупий на счетах кандидатов в президенты^[22], вниз к парламентской системе, где практикуется «особый подход» к депутатам, чьи голоса должны быть отданы в пользу решения, выгодного определенным бизнес кругам.²³

Ярчайший пример ветренности мнения индонезийских депутатов: один из лидеров на рынке индонезийских телекоммуникаций, компания Индосат (Indosat) была основана в 1967 году, а в 1980 была приобретена государством, и просуществовала в статусе госкорпорации до 2002 года. В 1994 году незначительная часть акций Индосат пережила первичное размещение на Джакартской и Нью-Йоркской биржах, однако принципиальные изменения ждали компанию в XXI веке. В 2002 г. появилось предложение «распродать Индосат», разместив сначала 41,94% акций на частных торгах, а затем, продолжить размещение значительной доли акций в течение последующих нескольких лет, оставив государству не более 20%. Это предложение поначалу было встречено бурным негодованием в парламенте и решительным «нет» со стороны большинства проголосовавших депутатов. Однако, через некоторое время, на финальном чтении, решающее большинство проголосовало за приватизацию телегиганта. Остается только догадываться, что послужило причиной такой

---

²³ Christian Chua interview with MP Alvin Lie (7 September 2004)

резкой смены настроения «слуг народа». В настоящее время государству принадлежит 14.29% акций Индосат.

Так реформы, предназначенные для разделения денег и политики, только еще больше связали эти понятия. Новая демократическая система Индонезии, с ее децентрализованной, более прозрачной системой правления, капиталоемкими кампаниями по привлечению голосов избирателей и созданию положительного облика в прессе, заставили политиков и бюрократию искать новые источники финансирования, предлагая взамен патронаж со стороны правящей элиты, тем самым увеличивая отдачу от инвестиций и еще больше связывая политическую и бизнес элиту страны.

После консолидации предпринимательских конгломератов по завершении кризиса, магнаты вернулись к традиционным формам и целям коррупции – упрощению путей получения предпринимательских возможностей, хотя теперь деньги шли больше на ускорение процесса, нежели на получение разрешений и «пропусков» в бизнес. Более того, с приходом демократии, а, следовательно, смещением центра власти, политико-бюрократическая элита уже не могла рассчитывать на постоянный приток денег, бизнес круги получили относительную свободу в выборе патрона, сами решали кому давать взятку, и необходимо ли вообще в определенном случае решать вопрос деньгами. Таким образом, привычная иерархия была перевернута, теперь деньги управляли властью, и если раньше формула успеха звучала как «через власть к деньгам», то теперь появился второй путь «через деньги к власти». Политика денег стала центральной тенденцией послекризисной индонезийской политэкономии и заняла свое место рядом с непотизмом и сговором.

Патронаж как неотъемлемая часть индонезийской бизнес культуры

Ранее в своей работе, я уже упоминала о важной роли семейственности и патронажа в индонезийском обществе, которое всё еще хранит черты патриархального уклада. С падением режима «Нового Порядка» отношения покровитель (патрон) – клиент усложнились. Чтобы уравновесить снижающуюся эффективность покровителя- политика, предприниматели начали распределять риски, зная теперь объем ответственности и ценности каждого участника предпринимательского клана. Бюрократы-патроны впредь не могли рассчитывать на эксклюзивные патрон-клиентские отношения. Напротив, бывшие зависимые теперь могли выбирать среди ряда влиятельных властителей, сделав хеджирование обычной практикой, и усложнив процесс определения источника финансирования. Это отразилось и на политической сфере, где также стало не просто определить из чьего кармана текут деньги на предвыборную кампанию определенного кандидата, и, соответственно, чью политику тот будет продвигать в случае своего успеха.

Ангки Камаро (Angky Camaro), известный индонезийский бизнесмен, занимавший при жизни руководящие посты в таких ведущих индонезийских компаниях, как PT HM Sampoerna Tbk (табачная промышленность), PT Indofood Sukses Makmur Tbk (пищевая промышленность), и Indomobil (автомобили и комплектующие), в своем интервью 17 сентября 2004 года так высказался о симбиотических отношениях бизнес элиты с политиками: «Если мы выбираем одну партию, это ограничивает наш рынок». Его слова иллюстрируют поведение олигархии на президентских выборах 2004 года. В ходе первого раунда ни один олигарх открыто не выразил поддержку ни одному участнику; это повторилось и на втором туре, когда лишь немногие бизнесмены открыто

заявляли о своих симпатиях к одному из двух кандидатов, до оглашения окончательных результатов.²⁴

Порой противоречивые соображения наблюдателей все равно иллюстрируют ситуацию многослойных и порой запутанных отношений патрон-клиент. Так, одни утверждали, что Томи Вината (Тому Winata), глава банка Bank Artha Graha и успешный бизнесмен с неоднозначной биографией и репутацией был близок с кандидатом в президенты Мегавати Сукарнопутри (Megawati Soekarnoputeri) через свои связи с её мужем Тауфиком Киемас (Taufik Kiemas)²⁵, и были по-своему правы, в то время как вторые²⁶ указывали на связи Томи с другим кандидатом – Сусило Бамбанг Юдхойоно (Susilo Bambang Yudhoyono), через их общего близкого знакомого, председателя комиссии банка Bank Artha Graha Тиопана Силалахи (Тиоран Bernhard Silalahi). Впоследствии, Силалахи стал одним из ключевых советников избранного президента Юдхойоно. Мнения политических обозревателей разделились, когда получили распространение двойные слухи о том, что Томи Вината финансирует предвыборную кампанию Юдхойоно и, одновременно, Мегавати. Видимо, по-своему правы были все, так как в своем интервью²⁷ индонезийский экономист и политологический деятель Фейсал Басри (Faisal Basri) обронил, что Томи имеет деньги во всех влиятельных партиях страны.

Примечательно то, что сам босс Bank Artha Graha признал: «Вплоть до настоящего времени бизнесмены не хотят выражать свою лояльность только одной партии, ведь если бизнесмен на каком-то этапе поддержит не того, кого следует, это может стать концом его карьеры. Вы не можете

---

²⁴ Журнал Tempo 30 August 2004 'When money talks'.

²⁵ Kevin O'Rourke, political analyst, interview with C. Chua 6 September 2004

²⁶ Lin Che Wei, economist, interview with C. Chua 22 September 2004

²⁷ C. Chua interview with Faisal Basri 14 September 2004

поставить все деньги на одну лошадь, так как велик риск поражения, к тому же теперь президент сменяется по меньшей мере раз в десятилетие».²⁸

Нередко члены одной влиятельной в предпринимательских кругах семьи предусмотрительно диверсифицируют свои политические взгляды (что косвенно может указывать на их связи). Так, выходцы из семьи Вананди (Wanandi), братья Софьян (Sofjan Wanandi) и Юсуф (Jusuf Wanandi) поддерживали Мегавати и Юдхойоно соответственно.²⁹ В семье Рияди (Riadi) сын Джеймс (James Riadi) встал на сторону действующего правительства, в то время как его отец Мохтар (Mochtar Riadi) возложил, как он сам выразился, надежды семьи на лидеров оппозиции. Для предпринимателя весьма важно быть уверенным в объекте своих вложений. А бюрократу, чтобы оставаться «политически живым», нужно быть уверенным в постоянном притоке финансирования и не бояться, что этот источник иссякнет.

То, что мы можем наблюдать в пост сухартовской Индонезии, это две ветви: крепко связанные друг с другом капиталами и положением политики и бизнесмены; и политики «чистой воды», вынужденные согласиться на перевернутые патрон-клиентские отношения, где ежедневная забота первых заключается в поиске новых источников финансирования (новых бизнесменов), при этом сами политики могут всё меньше предложить взамен; через деньги к власти приходят предприниматели, которые уже не нуждаются в помощи военных и чиновников.

---

²⁸ C. Chua interview with Tomy Winata, 17 September 2004

²⁹ C.Chua interview with Sofjan Wanandi and Jusuf Wanandi, 8 June 2004; Jakarta Post

Среди политиков, за плечами которых опыт в большом бизнесе:

- Юсуф Кала (Muhammad Jusuf Kalla) - Десятый вице-президент Индонезии (с 2004 по 2009 гг.), в тот же период он был председателем партии Голкар (Partai Golkar), выступал кандидатом от партии Голкар на президентских выборах 2009 года. Юсуф Калла стал генеральным директором NV Hadji Kalla в 1968 году, его фирма предлагала услуги в таких сферах, как гостиничный бизнес, строительство, продажа автомобилей, морские перевозки, недвижимость, транспорт, телекоммуникации, также у компании были фермы по выращиванию креветок. Помимо того, что Калла был генеральным директором NV Hadji Kalla, он также являлся и генеральным директором дочерних компаний предприятий;
- Сурья Палох (Surya Dharma Paloh). Известен как медиа магнат, владелец ежедневной газеты Media Indonesia и круглосуточной информационной сети MetroTV . В политике Сурья занимает должность главы Консультативного совета партии Голкар. Он так же является основателем Национальной демократической общественной организации (organisasi masyarakat Nasional Demokrat), которая позднее переросла в Национально Демократическую Партию (Partai Nasional Demokrat);
- Абуризал Бакри (**Aburizal Bakrie**) считается одним из самых успешных индонезийских бизнесменов коренного происхождения. В 1972 году присоединился к бизнесу, основанному его покойным отцом PT Bakrie & Brothers Tbk.. The Bakrie Group ведет бизнес в сельскохозяйственной сфере, занимается недвижимостью, торговлей, морскими и речными перевозками, банковским делом, страхованием, медиа бизнесом, строительством, горнодобывающим бизнесом.

В 2004 году Бакри ушел из PT Bakrie & Brothers Tbk чтобы занять пост министра-координатора экономики. В 2005 Бакри был назначен

министром народного благосостояния, а в 2009 после повторного избрания Юдойоно в президенты, Бакри, который рассматривается как один из наиболее вероятных претендентов на президентство в 2014 году, был избран председателем партии Голкар. После избрания президентом, Юдойоно назначил Бакри министром экономики. Второй утверждает, что не участвует в семейном бизнесе с 2004 года, с момента вхождения в большую политику. В тоже время, он открыто борется за формирование политики выгодной его компаниям.

Сговор и семейственность

Понятие «Семейственность» было применимо к политике присвоения власти и экономики обширным кланом Сухарто, а так же лицами, находящимися в сговоре с кланом. После падения его режима термин приобрел более широкое значение. Теперь это крепкие неформальные связи между лицами в политической и бюрократической системах; эти связи имеют природу, отличную от патронажа, так как здесь задействованы культурные, расовые, этнические и другие личностные мотивы, в то время как отношения патрон-клиент строятся на симбиозе. Семейственность характерна как для китайской диаспоры, так и для яванской, для батакских кланов, для пакистанских иммигрантов, и для индуистов с Бали.

Еще более тонкая форма симбиоза бизнесменов и политиков – долгосрочный сговор. Чтобы снизить риск потери денег, преприниматели тщательно выявляют политиков, с которыми возможно установить отношения, выходящие за рамки материальных интересов, эти отношения кропотливо выстраиваются, базирясь на характерной для Индонезии вежливости и почтительности, можно сказать, что Западу есть чему поучиться у индонезийского искусства нетворкинга – умения заводить полезных деловых друзей (*networking – the art of making useful friends in business*).

Примером таких долгосрочных отношений может служить дружба между Лаксамана Сукарди (*Laksamana Sukardi*), бывшего генерального директора банка *Lipho Bank*, и банкира Томи Вината, которая началась еще в юности. Когда они выросли и обрели власть в финансовых кругах, их тандем только окреп.

Это напоминает отношения, связывающие семью Сухарто и индонезийского бизнесмена китайского происхождения Судано Салима (*Sudono Salim*, настоящее имя *Liem Sioe Liong*), а так же отношения между семьями генерала Гатота Суброто (*Gatot Subroto*) и предпринимателя,

бывшего министра Торговли и Промышленности Мохамата «Боба» Хасана (Mohamad “Bob” Hasan), кстати, этот последний был также близким другом президента Сухарто. Таким образом, мы видим прочно установившиеся связи «политик - предприниматель» или чаще «влиятельный бизнес клан – влиятельный политический клан». Сам Томи Вината в своем интервью ³⁰ сказал: «Непотизм настоящий от непотизма прошлого отличается тем, что генералы больше не пригревают бизнесменов, а как раз наоборот, мы ищем такого бюрократа, которого будет выгоднее финансировать в следующие 10 лет».

Для предотвращения бесконтрольного вмешательства со стороны новых, потенциально опасных управленцев, магнаты и олигархи пытаются привести в политику и помочь сделать карьеру приближенным к себе людям, в дальнейшем таких будет легче склонить на свою сторону, подкупить, а так же влиять на состав и ориентацию учреждений, в которых они будут заняты.

Неочевидный характер таких действий означает, что будет трудно, если вообще возможно, доказать влияние бизнес элиты на принятие политического решения, в отличие от случаев коррупции, где, приложив определенные усилия, возможно отследить движение денежных потоков.

Тем не менее, инциденты, просочившиеся в прессу и получившие широкую огласку, доказали действенность таких схем. Например, бывший заместитель председателя Агентства реструктуризации банков Индонезии (Indonesian Bank Restructuring Agency) Фарид Харьянто (Farid Haryanto) был советником в Банке Lippo до того как получить пост в Агентстве, и вернулся в Lippo после окончания своего контракта с АРБИ. Несколько топ менеджеров Банка Индонезии (Bank Indonesia) попали под подозрение в

---

³⁰ C.Chua interview with Tomy Winata, (17 September 2004).

регулярном получении денежных средств от семьи Рияди, среди них: заместитель начальника департамента Аулия Похан (Aulia Pohan), и старший руководитель департамента Миранда Гултом (Miranda Goelton), чье назначение на их посты было, как предполагают, подкреплено взятками членам парламента. Идея состояла в том, что позднее эти две фигуры должны были помочь банку Lippo и другим конгломератам вернуть свои бывшие активы и помешать проведению нежелательных расследований в банке.³¹ Были и слухи что Томи Вината поддерживает Миранду Гултом потому что она помогает ему прибрать к рукам банк Permata, что она в конечном счете косвенно сделала, предоставив ему место в совете по надзору за продажей этого банка.

Еще один пример безвзяточной коррупции: имели место слухи, что банкир и предприниматель Энтони Салим стоял за «форсированным и необоснованным» назначением трех новых топ менеджеров Банка Индонезии (Bank Indonesia), так как их продвижение позволило группе Салима вернуться в банк BSA.³² Одним из тех топ менеджеров был Бун Бунан Хутапеа (Bun Bunan Hutapea), муж Эвы Хутапеа (Eva Hutapea), которая занимала в то время пост генерального директора пищевого гиганта Indofood, и была назначена главой комиссии по подбору инвесторов для BSA. Общая картина говорит в пользу того, что это продуманный план Энтони Салима по упрощению захвата банка BSA.

Эти примеры доказывают, что совместимость и лояльность людей, работающих в одной сфере необходима в долгосрочном периоде для построения прочных бизнес связей. Это оправдывает усилия капиталистов, направленные на обеспечение своего выживания в новом режиме.

---

³¹ C.Chua interview with Faisal Basri, 11 September 2004

³² Tempo 18 December 200: 'Salim Group behind the scenes?/Passing BI and BSA in one stroke/Questionable transaction'

Прочные связи будут необходимы и для открытия нового бизнеса в будущем, и для поддержания карьеры в целом.

Для этого, как писал Фейсал Басри,³³ некоторые крупные магнаты пытались повлиять на исход выборов, поддерживая определенного кандидата, или приводя «своего человека» на пост районного главы (Бупати). А в некоторых случаях непотизм принимал буквальный характер: на значимые посты приводились члены семьи, как исконные (братья, сестры, в т.ч. двоюродные), так и новые (мужья/жены, зятья, свекры, тесты, итд.).

С этим политическая система стала восприимчивой и легко поддается манипуляциям со стороны заинтересованных конгломератов. Политика и органы власти, которым следовало бы оставаться в компетенции бюрократов и чиновников, стали теперь площадкой для игр капиталистов.

Не просто дать оценку этому явлению, однозначно то, что оно мешает проведению прозрачной политики. Скажу лишь, что ККН в случае с Индонезией прочно вросло в менталитет выходцев из самых разных слоев общества, и для освобождения от этого феномена понадобятся годы, если не десятилетия про-этических реформ.

33

C. Chua interview with Faisal Basri 11 September 2004

Глава III Будущее

Модель развития индонезийского бизнеса на ближайшие 5-10 лет

Принимая во внимание нынешние условия и тенденции в развитии Индонезии, я делаю вывод о дальнейшем укрупнении финансового и коммерческого секторов в экономике страны, с сокращающейся в процентном соотношении, но не в объеме долей сельского хозяйства.

Индонезия будет просто вынуждена наращивать темпы развития отраслей крупного и наукоемкого машиностроения, с привлечением, на первом этапе, иностранных специалистов и капиталов, а затем, подготавливая собственные кадры. Представляется реальным возрастание влияния индонезийских товарно-сырьевой биржи, и рынка ценных бумаг в Азии. После событий 2012 г. в Японии и обвала японских индексов, оборот на индонезийской товарно-сырьевой бирже стал вторым после китайского, и третьим после Сингапура и Гонконга на рынке ценных бумаг. Несмотря на негативную этическую сторону событий в Японии, Индонезия «выиграла» на смятении азиатских трейдеров, принявшихся срочно реконсолидировать свои активы. Помимо того, я представляю, что индонезийское правительство, ощутившее преимущества прилива иностранных инвестиций, не будет заинтересовано в политической нестабильности в ближайшие годы.

Внутренний рынок природных ресурсов уже ощутил на себе психологические последствия нового закона об иностранных инвестициях 2007 года, и, в особенности, поправок к нему от 2011 года: это вылилось в массовые увольнения топ менеджеров- экспатов, с заменой их на местных управленцев. Отмечу, что это не влияет на политику компаний, а носит только психологический характер, так, имея на посту генерального директора коренного индонезийца, упрощается процедура получения концессий (лицензий на разработку полезных ископаемых). Органы

местного самоуправления охотнее идут на сотрудничество с иностранным капиталом, представленным в стране коренным индонезийцем. Эта тенденция к замещению топ менеджмента, по моему мнению, будет только закрепляться в ближайшие 5 лет.

Что касается финансового сектора, в нем также не избежать бурного роста. Остается надеяться, что Индонезия сделала выводы из кризиса 1997-1997 гг. и избежит раздувания «финансового мыльного пузыря». Уже сейчас виден стабильный рост рынка недвижимости, как ответ на возросшую платежеспособность индонезийцев (в основном коренных джакартцев, новых резидентов Джакарты и близлежащей агломерации и жителей крупнейших городов страны).

По сравнению с прошлым десятилетием произошел банковский бум, выражающийся в активном росте банков местного происхождения, мусульманских банков, а также приходом на рынок крупнейших иностранных банков. Лишь беднейшие слои населения не имеют счетов в банке и не пользуются пластиковыми картами. Дальнейшее развитие банковского сектора сулит быть как качественным, так и количественным. Первое выражается в расширении ряда новых услуг, второе – в распространении отделений банков вглубь страны, в отдаленные провинции и города, и этот процесс уже заметен.

С постоянно растущей численностью населения, Индонезия не может забывать о сельскохозяйственном секторе. При наличии основных потребляемых продуктов аграрного сектора: риса, пальмового масла, табака, кофе, овощей, фруктов, страна испытывает нехватку продовольствия местного производства, заметна доля китайских продуктов питания (в основном овощей и фруктов, пшеницы) на рынке. Конечно, принимая во внимание ограниченность в территориях, эта проблема может быть искоренена только с помощью улучшения качественных характеристик ведения хозяйства.

Страна испытывает нехватку и в молочных продуктах. Лишь малая доля молочной продукции страны – местная, остальное - австралийский импорт.

Позитивный рост наблюдается на местном рынке авиаперевозок, авиасообщение налажено между всеми крупным и средними обитаемыми островами, стоимость билета такова, что авиаперелеты стали доступны среднему классу, она составляет в среднем до 600 тыс. рупий (до 70-75 долларов США).

Доступней становятся и интернет технологии, особенную популярность приобрел в стране мобильный интернет, стоимость трафика за который сделала его доступным всем группам населения, живущим выше черты бедности.

Еще один позитивный фактор в развитии страны. Хотя, скорее психологический: широкое распространение английского языка. В семьях, относящих себя к среднему высшему и высшему классам, не редки случаи использования английского языка как языка повседневного общения, дети учат его до индонезийского. С возрастанием коэффициента паритета покупательной способности населения, становится все более популярным образование в соседних Австралии и Новой Зеландии, а так же в США и Германии, получают распространение и становятся более доступными школы с углубленным изучением английского языка. В каждом крупном торговом центре Вы легко можете обратиться к персоналу на английском (конечно если не хотите лишать индонезийцев удовольствия услышать, как иностранец говорит на их родном языке). Сравнивая одинаковые лингвистические ситуации в Индонезии и в России, я с уверенностью могу сказать, что в Индонезии английским владеет в продвинутой или достаточной степени большее число выходцев и среднего класса (получившее образование население). Этот фактор заставляет задуматься о

широких перспективах новых индонезийцев, и создает положительное впечатление об их кругозоре в целом.

Несмотря на укоренившийся стереотип об Индонезии (главным образом о Джакарте) как об обладательнице худшей экологической ситуации в мире, не будем забывать о распоряжении правительства использовать экологическое топливо на основе пальмового масла в системе общественного транспорта. Помимо этого распространено топливо класса Евро-4 и Евро-5 для легковых автомобилей.

Это лишь несколько позитивных фактов в экономическом и мировоззренческом развитии страны. Индонезия открыта для новых возможностей и тенденций, индонезийская нация с энтузиазмом участвует в развитии страны, стремится получить достойное образование и сделать карьеру. А человеческие ресурсы- это двигатель современной экономики.

Таким образом, дальнейший качественный и количественный прирост экономики этой уникальной страны обещает быть внушительным.

Будущее предпринимательской культуры Индонезии. Трансформация облика индонезийских бизнесменов

На основании предыдущих глав моей работы уже вырисовывается облик современных индонезийских предпринимателей. Здесь хочется смоделировать их облик в будущем.

Скорее всего индонезийский менталитет ожидает положительный симбиоз культур, где западная открытость и целеустремленность вступает во взаимодействие с индонезийской вежливостью, национальным колоритом и традициями. Местная предпринимательская элита становится все более открытой западному стилю общения, перенимает повадки и мировоззрение иностранных бизнесменов. Одним словом, индонезийской нации не чужд космополитизм, когда дело касается совместного ведения дел.

По моим наблюдениям, и иностранные бизнесмены не пренебрегают возможностью поучиться у индонезийцев местной философии. За изучением индонезийского языка обычно следует подражание стилю общения и поведению в обществе, подчеркнутая вежливость и уважительность, присущая Bahasa Indonesia, отражается в манерах изучающих его. Обычно экспрессивно выражающие свое мнение иностранцы (в основном австралийцы) начинают придерживаться сдержанного и почтительного стиля общения, подчеркнута приветливы (ramah), однако уклончивы на переговорах, с гордостью носят батик по пятницам (dress-down Fridays).

Индонезийский бизнесмен будущего представляется мне как образованный человек (как минимум, выпускник одного из ведущих ВУЗов страны, или получивший образование за рубежом), с открытым и широким мировоззрением (что не мешает ему чтить его исконные традиции), интересующийся геополитической ситуацией в мире и новыми

веяниями в науке и технике, с толерантным отношением к другим культурам и религиям.

Будем надеяться, что таковым мы увидим его в течение ближайшего десятилетия.

Заключение

Рассматриваемый предмет был описан в этой дипломной работе достаточно подробно, с применением моих собственных наблюдений и наблюдений, опубликованных деятелями науки, политиками, экономистами, журналистами в их работах. Ситуация постоянно изменяется, коль скоро мы говорим о прогрессирующей Азии, и тем более об Индонезии.

В своей работе я выявила различные типы ведения бизнеса в Индонезии; характерные особенности предпринимательской культуры этой страны (такие как широкое распространение nepoтизма и коррупции, итд.); исторические предпосылки для формирования бизнес культуры «новой» Индонезии; роль культуры, религии и отдельных этносов и элит в складывании современного бизнеса. В работе представлена характеристика нынешнего состояния экономики, проанализированы достижения и упущения.

Не стоит забывать, что изменяется облик индонезийских предпринимателей и соответственно облик экономики, ведь именно они представляют собой её двигатель. Изменяется отношение бизнесменов к себе и друг к другу, изменяется мнение иностранцев об индонезийцах благодаря всё большей открытости общества. Мироззрение индонезийцев принимает не характерные для прошлого времени формы, появляются новые тенденции в отношении к религии, культуре, общественной жизни и политическому строю.

Изменяется структура самой экономики благодаря трансформациям в менталитете и образе жизни.

Иными словами, благодаря возрастающему весу индонезийской экономики в регионе, современная предпринимательская культура страны обрела ощутимую динамику.

Список используемой литературы:

На русском языке:

1. Элиты стран Востока / под ред. А.Ю. Другова, Н.П. Малетина, О.В. Новиковой.
2. Политические культуры стран востока (А.Ю.Другов «Политическая культура Индонезии» 2011г.)
3. А.Ю.Другов, В.А. Тюрин – История Индонезии XX век. (издание ИВ РАН 2005г.)
4. А.Ю. Другов «Индонезия на грани столетий 1997-2006гг.»
5. Ханс - Юрген Варнеке «Революция в предпринимательской культуре» 1999г.
6. Г. М. Костюнина «Азиатско-Тихоокеанская экономическая интеграция» (издательство МГИМО У МИД 2002г.)

На индонезийском языке:

1. Tulus Tambunan «Growth of Foreign Investment in Indonesia and Encountering Problems» (Kadin Indonesia & Center for Industry and SME Studies, University of Trisakti, 2006)
2. Indonesia Economic Outlook 2010 (issued: Universitas Indonesia Fakultas Ekonomi)
3. Indonesia Economic Outlook 2011 (issued: Universitas Indonesia Fakultas Ekonomi)
4. Tomi Lebang “Sahabat Lama, Era Baru” Grasindo, Jakarta, Indonesia 2010
5. Ежедневное индонезийское издание Kompas (<http://www.kompas.com>)
6. Ежедневное индонезийское издание Merdeka
7. Ежедневное индонезийское издание The Global review (<http://www.theglobal-review.com>)
8. Индонезийский журнал Tempo (<http://www.tempo.co/>)

На английском языке:

1. Harukiyo Hasegawa, Carlos Noronha «Asian Business and Management: Theory, Practice and Perspectives» 2009
2. Thomas B. Pepinsky «Economic Crises and the Breakdown of Authoritarian Regimes: Indonesia and Malaysia in Comparative Perspective» 2009
3. Christian Chua – диссертационная работа «CHINESE BIG BUSINESS IN INDONESIA» 2006
4. Christian Chua «Chinese Big Business in Indonesia: The State of Capital (Routledge Comtemporary Southeast Asia Series)» 2008

5. Joe Studwell «Asian Godfathers: Money and Power in Hong Kong and Southeast Asia» 2008
6. Sonia El Kahal «Business in Asia-Pacific» 2001
7. Mark Chong and Jin Montesano «Winning Corporate Reputation Strategies: Lessons from Asia Pacific» 2011
8. Ежедневное индонезийское издание на английском языке The Jakarta Globe (<http://www.thejakartaglobe.com>)
9. Ежедневное индонезийское издание на английском языке Globalpost (<http://www.globalpost.com>)
10. Ежедневное индонезийское издание на английском языке Jakarta Post (<http://www.thejakartapost.com>)

Приложения:

Приложение 1 SARA табу. **SARA: Suku, Agama, Ras, Antar-golongan** – отношения между племенами, религиями, расами и межклассовые отношения.

В эпоху Нового порядка было запрещено говорить, писать, освещать вопросы межрелигиозного, межэтнического и подобного характера.

Приложение 2 Kambing hitam – фразеологизм, соответствующий русскому понятию «козел отпущения», человек, на которого переносится вина.

Приложение 3: Backman 2001: Apart from Japan and South Korea, business in Asia largely consists of ethnic Chinese businesses. In South-East Asia, they absolutely dominate business and yet, form only a small minority of the population. Approximately 6% of the combined population of the five main South- East Asian economies (Indonesia, Malaysia, the Philippines, Singapore, and Thailand) is ethnically Chinese, but this 6% controls perhaps as much as 70% of the region's private corporate wealth. This tiny minority also accounts for all but one of the 18 South-East Asia billionaires identified by Forbes magazine in 2000. The dominance of the Chinese is perhaps at its greatest in Indonesia. In fact, of Indonesia's top 300 conglomerates just prior to the 1997-98 economic crisis, 217 (72%) were either wholly or mostly owned by Indonesian-Chinese – not a bad result for an ethnic group that comprises just 3.5% of the country's population.